

ОБ ОДНОЙ ИЗОГЛОССЕ РАЙОНА ПРИБАЛТИКИ

В современных языках Прибалтики — латышском, литовском и эстонском имеется одна общая синтаксическая особенность, которую можно рассматривать как общую черту языков прибалтийского ареала. Эта особенность заключается в том, что в придаточных предложениях цели глагол обычно употребляется в условном наклонении, ср. в латышском: *Viņš iet uz lasītavu, lai lasītu grāmatas* 'Он идет в читальню, чтобы читать книги'¹; в литовском: *Jis padarė viską, kad pasiektų savo tikslą* 'Он сделал все, чтобы достичь своей цели'²; в эстонском: *Me töötame selleks, et me riik oleks võimas ja tugev, et me lapsed võiksid muretult õppida et kõik maailma rahvad elaksid rahun* 'Мы работаем для того, чтобы наше государство было мощным и сильным, наши дети могли беспрепятственно учиться и чтобы народы всего мира жили в мире'³.

В литовском и латышском языках так называемое условное наклонение в придаточных предложениях цели исторически восходит к балтийскому оптативу. В образовании балтийского оптатива некогда принимал участие вспомогательный глагол *bi* — „быть“, соединявшийся с супином. Позднее вспомогательный глагол утратился и супин превратился в характерную примету оптатива. В эстонском языке показатель условного наклонения *-ksi-*, по-видимому, содержит суффикс транслатива *-ks*. *Loe-ksi-n* 'я читал бы' могло первоначально означать „я был предназначен для чтения, т. е. я хотел читать“. В значении этой формы также ощущается первоначальный оптативный оттенок.

Употребление условного наклонения в придаточных предложениях цели не чуждо и финскому языку, ср., например, *join kummaa mehua, jotta olisin hionnut* 'я пил горячий сок, чтобы вспотеть'⁴ (букв. 'чтобы я вспотел').

¹ Б. Векслер, М. Капиль, В. Юрик, Учебник латышского языка для взрослых, I, 1957, 137.

² E. Orvidienė, *Lietuvių kalbos vadovėlis*, Vilnius, 1964, 336.

³ К. Абен, Учебник эстонского языка, Таллин, 1960, 180.

⁴ Н. Fromm-Matti Sadeniemi, *Finnisches Elementarbuch*, I, Grammatik, Heidelberg, 1956, 167.

Встречается оно и в саамском языке: *âd' dim dâm dudnji, vai jieš dâm ânašik* 'я дал это тебе, чтобы ты сам этим воспользовался'⁵. Показатели условного наклонения в финском и саамском языках, возможно, восходят к глагольному суффиксу, обозначающему мало- или многократное действие. Возможность или желание совершить действие могли быть истолкованы как совершение действия недостаточно интенсивно, не в полной мере.

Известный интерес в этом отношении представляет модель придаточного предложения цели в венгерском языке. В этом языке в предложениях данного типа используется так называемое повелительное наклонение, которое по существу имеет значение оптатива, или желательного наклонения, ср. *azert ült le, hogy pihenjen* 'он присел (для того), чтобы отдохнуть'³.

Таким образом, совершенно отчетливо вырисовывается целый ареал языков, в которых в придаточном предложении цели был использован оптатив.

Использование косвенных наклонений в придаточных предложениях цели наблюдается во многих языках. Известно, что в древнегреческом и латинском языках в придаточных предложениях цели использовался конъюнктив, например, в древнегреческом: *Λέγε σαφῶς, ἵνα πάντες σου συνιῶσιν* 'говори ясно, чтобы все тебя поняли'⁷; в латинском: *Legati missi sunt, ut pacem peterent* 'Были отправлены послы, чтобы просить мира' (букв.: 'чтобы они просили мира')⁸. Нетрудно заметить, что это уже другой тип придаточного предложения цели, в котором используется не оптатив, как в языках Прибалтики, а конъюнктив.

Нам представляется целесообразным использовать тип образования придаточных предложений цели в языках Прибалтики для объяснения некоторых проблем, связанных с образованием так называемого балканского языкового союза.

Одной из общих особенностей языков балканского языкового союза является утрата инфинитива и замена его формами конъюнктива.

Новогреческий язык:

Γιά τήν ἐνίσχυσι τῆς νότιας πτέρυγας τοῦ ΝΑΤΟ ἡ κυβέρνησις τῶν ΕΠΑ ζήτησε ἀπ' τό Κογκρέσσο νά ἐγκρίνει 80 ἑκατομμύρια δολλάρια γιά στρατιωτική καί οἰκονομική βοήθεια στό καθεστῶς τῆς Ἑλλάδας 'Для усиления южного фланга НАТО правительство США запросило Конгресс выделить

⁵ K. Nielsen, *Laerebok i lappisk*, Oslo, 1926, 233.

⁶ B. Szent Iványi, *Der ungarische Sprachbau*, Leipzig, 1946, 142.

⁷ *Griechische Grammatik*, Berlin, 1964, 158.

⁸ С. И. Соболевский, *Грамматика латинского языка*, Москва, 1950, 227.

80 миллионов долларов для оказания военной и экономической помощи правительству Греции⁹.

Болгарский язык:

В работата на колектива години наред съществуват редица слабости, които могат да се окажат сериозна пречка за срочното изпълнение на годишния насрещен план 'В работе коллектива уже несколько лет подряд имеются слабости, которые могут оказаться серьезным препятствием для выполнения в срок годового встречного плана'¹⁰.

Румынский язык:

Guvernul englez a hotărit să acorde independența Insulei Grenada... 'Английское правительство решило признать независимость острова Гренада'¹¹.

Албанский язык:

Djema, le të pime sepse më në fund po fillojmë të punojmë 'Ребята, выпьем за то, что мы наконец начинаем работать'¹².

Совершенно очевидно, что во всех этих языках для замен инфинитива была использована модель придаточного предложения цели. Если в древнегреческом и латинском в придаточных предложениях цели использовался конъюнктив, то и в языках новогреческом и румынском также должен быть конъюнктив. Если в вульгарной латыни латинский союз *ut* 'чтобы' заменялся союзом *quod*, то этот же союз должен быть и в румынском, конечно, в несколько измененной форме, т. е. в форме *să*.

Наиболее ясно это должно представляться в истории греческого языка. Хорошо известно, что инфинитив в истории греческого языка постепенно утрачивался. Уже в греческом языке Нового завета нередки были замены инфинитива формами конъюнктива с использованием модели придаточного предложения цели, вводимого союзом *ὅνα*. Разрушению инфинитива в немалой мере способствовали такие факторы, как резкое сокращение употребления оборота *accusativus cum infinitivo*, перестройка перфекта и плюсквамперфекта, отпадение конечного *v* и т. д.

Что касается других балканских языков — румынского, болгарского и албанского, то здесь нет достаточно ясной картины, каким путем модель придаточного предложения цели могла вытеснить инфинитив. В истории образования самой модели также много неясного.

⁹ Газета *Νέος ὄριμος* от 7 октября 1971 г., 3.

¹⁰ Газета „Работническо дело“ от 20 июля 1973 г., 2.

¹¹ Рум. газета *Scînteia* от 1 августа 1973 г., 4.

¹² D. Granin, *Kërkuesit*, Tirana, 1957, 16.

Как уже говорилось, предшественницей модели придаточного предложения цели в современном румынском языке должна быть модель придаточного предложения цели в латинском языке, которое обычно вводилось союзом *ut*, а глагол употреблялся в формах конъюнктива, ср. *do, ut des* 'я тебе даю, чтобы ты мне дал'. Однако румынский союз *să*, с помощью которого вводятся придаточные предложения цели, восходит к латинскому союзу *si* 'если', например: *si id credas, erres* 'если бы ты этому поверил, то ошибся бы'¹³.

Некоторые исследователи пытаются доказать, что румынская конструкция возникла самобытным путем — на базе латинского материала. Так, например, И. Бачински утверждает, что само условие иногда содержит оттенок желательности совершения действия. В этих условиях может возникнуть значение цели действия (*la condition glisse vers la finalité*)¹⁴. У латинских авторов можно найти примеры, когда в значении условия содержится оттенок цели действия, например: *equitatum ostentare coeperunt, si ab re frumentaria Romanos excludere possent* (Ю. Цезарь) 'начали выставлять напоказ конницу, чтобы отрезать римлян от снабжения провиантом'¹⁵.

По свидетельству И. Бачинского, союз *se* (совр. *să*) мог вводить придаточные предложения цели, но это могло происходить только после глаголов говорения и желания. Но в старорумынских текстах еще нет примеров типа *pot să scrie* 'могу писать', *știu să scrie* 'умею (букв.: 'знаю') писать', встречающихся в современном румынском языке¹⁶.

Однако факт остается фактом — союз, вводящий придаточные предложения цели в современном румынском языке, по происхождению является условным союзом. Создается впечатление, что на румынский язык оказывал влияние какой-то язык субстрат, в котором придаточные предложения цели создавались по модели условного предложения.

Не меньше трудностей представляет выяснение истории происхождения придаточных предложений цели в современном болгарском языке. Как уже говорилось выше, придаточные предложения этого типа вводятся союзом *да*. Союз *да* имеет довольно сложную историю. Он происходит от частицы *да*, связанной с местоименной основой, ср. гр. *δη* 'уже, как раз', *ἐπει δη* 'когда', *ἤδη* 'уже' и т.д.¹⁷

В современном болгарском языке функции союза *да* необычайно широки. *Да* — это подчинительный союз, обслуживающий все виды синтаксического

¹³ С. И. Соболевский, ук. соч., 257.

¹⁴ I. Vacinschi, L'infinitif et les moyens de son remplacement, Étude de Syntaxe historique et comparé, Bucarest, 1946, 48.

¹⁵ I. Vacinschi, ук. соч., 49.

¹⁶ Там же, 50.

¹⁷ З. Геннадиева-Мутафчиева, Подчинителният съюз да в съвременния български език, София, 1970, 15.

подчинения. Он вводит предложения дополнительные, обстоятельственные, уступительные, условные, предложения цели, причины, следствия¹⁸.

Между болгарским союзом *да* и румынским *să* есть точки соприкосновения. Если румынский союз *să* ведет свое происхождение от латинского условного союза *si* „если“, то болгарский *да* может также вводить условные предложения, ср. *Да имам пари, ще си купя кола* ‘Если я буду иметь деньги, я куплю себе машину’¹⁹.

Частица *да*, от которой происходит союз *да*, первоначально имела оптативное значение, которое еще сохраняется в современном болгарском языке, например: *Да вървим! Идем же!*²⁰ Ср. русск. *Да здравствует!*

Интересно отметить, что в старославянском языке союз *да*, вводящий придаточные предложения цели, мог сочетаться с условным наклонением, например: *drъžaacho i da bi ne oъl otъ nichъ* (Lk. 4, 42) ‘они его держали, чтобы он не ушел от них’²¹.

На основании этих данных нетрудно предположить, что в истории болгарского языка первоначальная модель придаточных предложений цели имела оптативное значение, т.е. по своему типу была ближе к прибалтийской модели.

Почти ничего не известно об истории союза *të* в албанском языке, при помощи которого вводятся придаточные предложения цели. В отличие от греческого союза *ἵνα*, албанский *të* по своим значениям сближается с болгарским союзом *да*. Он может входить в состав союзов, при помощи которых вводятся условные предложения, ср. *të paskeshe punuar, do të keshe fituar* ‘если бы ты работал, то имел бы заработок’. Таким образом, албанский союз *të*, подобно болгарскому *да*, может вводить и придаточные предложения цели, и условные предложения. И здесь выступает первичная модель придаточного предложения цели с оптативным значением.

Как известно, в образовании новогреческой модели придаточного предложения цели оптатив не участвовал, хотя в древнегреческом языке существовали особые формы оптатива. В современном новогреческом языке в качестве условного союза выступает *ἄν*, но не *νά*, который обычно вводит придаточные предложения цели, ср. *ἄν τοῦ δώσης τὰ χρήματα (θά) σέ θεωρῶ ἡλίθιον* ‘если ты ему дашь денег, я буду считать тебя глупым’²².

Все вышеизложенные соображения позволяют сделать определенный вывод, касающийся общебалканской модели придаточного предложения

¹⁸ З. Генадиева-Мутафчиева, ук. соч., 19.

¹⁹ Там же, 174.

²⁰ Там же, 19.

²¹ J. Kurz, Učebnice jazyka staroslověnského, Praha, 1966, 205.

²² I. Kalitsunakis, Grammatik der neugriechischen Volkssprache, Berlin, 1963, 181.

цели, заменивший утраченный в этих языках инфинитив. Исторически эта модель имела разные источники. Новогреческая модель восходит непосредственно к древнегреческой модели придаточного предложения цели и является ее историческим продолжением. Основными признаками этой модели являются конъюнктив и союз $\iota\nu\alpha$ (совр. $\nu\acute{\alpha}$), имеющий значение русского союза „чтобы“.

При историческом анализе модели придаточного предложения цели в румынском, болгарском и албанском языках обнаруживается, что она возникла под влиянием какой-то неизвестной субстратной модели образования придаточного предложения цели. Типичным наклоном в этой модели был оптатив. Союз, вводивший предложение этого типа, первоначально был союзом с оптативным значением, близким по значению к русскому „пусть“.

Эта же модель, по всей видимости, употреблялась и в условном периоде, что отразилось в румынском союзе *să*, восходящем к латинскому *si* 'если', и в способности албанского союза *të* и болгарского *да* вводить условные предложения.

Таким образом, модель придаточного предложения цели в болгарском, румынском и албанском языках, если ее рассматривать с исторической точки зрения, сближается с типом придаточного предложения в языках Прибалтики — в литовском, латышском и эстонском языках.

Такое типологическое сходство моделей, по-видимому, не случайно. В истории языкознания неоднократно производились попытки установить генетическое родство между фракийским, дакским и балтийскими языками. Мы воспользуемся некоторыми выводами из вышедшей недавно специальной работы болгарского лингвиста И. Дуриданова „*Trakisch-dakische Studien*“, *Sofia*, 1969. Произведя сравнение нескольких сотен топонимов и собственных имен, относящихся к языку фракийцев и даков, И. Дуриданов пришел к следующим выводам:

„Значительное количество имен собственных, которые до сих пор истолковывались неудовлетворительно или вообще оставались темными, было объяснено как по форме, так и по содержанию, с помощью языкового материала балтийских языков“²³.

И. Дуриданов приводит разительные совпадения, обнаруживаемые при сравнении фракийских и дакских собственных имен с собственными именами литовцев, латышей и древних пруссов, ср., например: фрак. *Βατκούμιον*, лит. *Batkūnai*, фрак. *Σπαρκη*, др.-прусск. *Sparke*, фрак. *Κερσης*, др.-прусск. *Kerse*,

²³ I. Duridanov, ук. соч., 99.

фрак. Καβύλη, др.-прусск. *Cabula*, дакск. *Brucla*, латышск. *Brukle*, дакск. *Gerulo*, *Gerula*, лит. *Gerulis* и т. д.²⁴

„Приведенные совпадения свидетельствуют об особенно тесных связях между дакским, фракийским и балтийскими языками“²⁵.

Приводятся интересные данные, касающиеся распределения очевидных сходств между упомянутыми языками:

Дакский и балтийский	— 60
Фракийский и балтийский	— 56
Фракийский, дакский и балтийский	— 14 ²⁶ .

На основании этого распределения можно сделать вывод, что балтийские, дакские и фракийские племена в доисторическое время, примерно в третьем тысячелетии, населяли смежные области, причем балтийские племена обитали по соседству с дакскими и фракийскими²⁷.

„Полученные данные не дают оснований для вывода о близком родстве дакского и фракийского языков со славянскими, тем более, что в известном нам языковом материале не содержится никаких специальных дако-славянских или фракийско-славянских изоглосс“²⁸.

„Вопрос о том, где находились древнейшие поселения балтийских племен в эпоху их тесных связей с даками и фракийцами, остается открытым. Он может быть прояснен в результате дальнейших исследований“²⁹.

В балканистике широко распространена теория субстрата. Согласно этой теории все общие типологические черты балканских языков, в том числе и замена инфинитива конструкциями, в основе которых лежат придаточные предложения цели, рассматриваются как результаты влияния неизвестного языка субстрата. Чаще всего в данном случае предполагается фракийский язык.

М. А. Габинскому фракийский источник утраты инфинитива на Балканах представляется наиболее правдоподобным³⁰.

В свете рассмотренных нами данных гипотеза о фракийском субстрате нуждается в пересмотре. Нельзя любое типологически сходное явление в каком-либо балканском языке огульно объявлять результатом влияния

²⁴ Там же, 99.

²⁵ Там же, 100.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ М. А. Габинский, Появление и утрата первичного албанского инфинитива, Ленинград, 1970, 276.

фракийского языка. Вряд ли фракийцы когда-либо населяли южную часть Балканского полуострова. Многочисленные данные, прямые и косвенные, говорят в пользу того, что в греческом языке замена инфинитива описательными конструкциями по модели придаточного предложения цели произошла совершенно самостоятельно без какого-либо внешнего импульса.

Предполагаемый фракийский или дакомизийский язык-субстрат мог оказать известное влияние только на языки, расположенные к северу от Греции, т. е. на болгарский, румынский и албанский. Не исключена также возможность того, что этому влиянию мог подвергнуться только какой-нибудь один из этих языков, например, болгарский, и распространить это влияние на соседей.